
Сверрир Якобссон

НАРОДЫ АУСТРВЕГА И ИСЛАНДСКАЯ КАРТИНА
МИРА: Прощание с историческим мифом*

В обзорных трудах по истории средневековой Европы часто говорится о конфликте и расколе в христианской церкви, достигшем кульминации в «великом церковном расколе» 1054 г., или «разделении церквей» (англ. *the great schism*). С этого времени христиане разделились на «западных», исповедующих римско-католическое христианство, и «восточных», объединившихся под хоругвями греческой православной церкви. Сегодня, когда историки заинтересовались возникновением *Европы* как феномена, между Европой и римским католичеством ставится знак равенства. Греческая православная церковь пошла своим путем, и последовавшие за ней сильные восточноевропейские страны в этом случае не рассматриваются как полноценные европейские государства. Помимо православной церкви, существовали и другие церковные конфессии, еще дальше отошедшие от власти папы римского¹. Разделение церквей является фактом, однако описание в духе дуализма подходит ему не лучшим образом: церковные конфессии были многочисленны и разнообразны.

Вышеописанное видение разделения церквей возникло, конечно, не на пустом месте. В Средние века многие писали о разделении церквей в дуалистическом духе. Порой понятие раскола получало культурологическое содержание; так, в XII в. термин *latinitas* иногда использовался для обозначения римско-католического мира. Подобные примеры есть в трудах, повествующих о выборах гер-

* Оригинальное название: *Sverrir Jakobsson. Austurvegspjóðir og íslensk heimsmýnd: Uppgjör við sagnfræðilega goðsögn*. Перевод с исландского и древнеисландского — Елены Сессель Хельгадоттир (Yelena Sesselja Helgadóttir). В квадратных скобках примечания переводчика.

¹ Ср.: *Brinken A.D. von den*. Die 'Nationes Christianorum Orientalium' im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts. Köln; Vienna, 1973 (Kölner historische Abhandlungen, 22).

манского императора и их возможных последствиях для всего римского мира². Помимо этого, во времена крестовых походов многие западноевропейские проповедники были неблагоприятно настроены по отношению к грекам; некоторые заходили столь далеко, что заявляли, будто Константинополь причастен к христианству лишь на словах, но не на деле³.

Все это хорошо известно и детально излагалось в обзорных трудах и учебниках в течение десятилетий. Однако подобная картина разделения церквей — лишь половина правды, и ее нельзя распространять на все народы, принадлежащие к римско-католическому миру. Анализ исландских средневековых трудов дает совершенно иную картину мира, в которой нет места разделению церквей. Христианский мир был в глазах исландцев единым, «католическим» в изначальном значении этого слова (образованного от греч. *καθολικός* 'общий'). Помимо этого, корни христианства в Аустрвеге были аналогичны корням той веры, которую приняли исландцы; разница в религии скандинавов и народов Аустрвега представлялась средневековым исландцам незначительной.

Некоторым этот вывод может показаться неожиданным, однако в его пользу говорят аргументы, приведенные ниже. В первую очередь, мы рассмотрим христианизацию Исландии, а также то, каким образом исландские историографы связывали ее с событиями на востоке.

«ИДИ В ГРЕЦИЮ»

В «Книге об исландцах» Ари Мудрого христианизация Исландии на альтинге в 999 или 1000 г. представляется как поворотный пункт в истории страны. Она является одной из вех в летоисчислении «Книги об исландцах» — однако основной точкой отсчета является не сама христианизация Исландии, а гибель Олава Трюгвасона. В некоторой степени это можно считать естественным: согласно Ари Мудрому, Олав был основным инициатором принятия исландцами христианства. Кроме того, особый акцент делается на его

² *Bartlett R. The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950–1350. L., 1993. P. 19.*

³ «*Ipsa rem Christianitatis non habet, sed nomen*», ср.: *Bartlett R. Patterns of Unity and Diversity in Medieval Europe // The Birth of Identities. Denmark and Europe in the Middle Ages / Ed. B.P. McGuire. Copenhagen, 1996. P. 37.*

миссионерской роли в Скандинавии — в то время как национальный святой норвежцев, Олав Харальдссон, именуется «Олавом Толстым», а его участие в христианизации преуменьшается.

Точка зрения Ари на конунга-миссионера оказала влияние на других историографов. В основных чертах они придерживались созданной Ари Мудрым картины христианизации Исландии. В Исландии было распространено мнение, что Олав Трюггвасон сыграл большую роль в обращении страны в христианство⁴. Однако иностранные источники, например «Деяния архиепископов гамбургской церкви» («Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum») Адама Бременского, не дают каких-либо серьезных подтверждений повествованию Ари Мудрого в этом аспекте⁵.

Олав Трюггвасон играл важную роль в исландском видении собственного прошлого и истории Скандинавии. В силу своей исторической славы он был как бы общим знаменателем для этих двух явлений. В одной из рукописей «Саги об Олаве Трюггвасоне», автором которой считается Одд Сноррасон, монах из Тингэйпар, говорится, что Олав был самым известным человеком «на датском языке» («adansca tungu»). В другой ее рукописи сказано, что Олав был «самым знаменитым человеком в Скандинавии» («fregstr maðr aNorðrlöndvm») ⁶. В «Красивой коже» говорится, что битва при Свёльде была «самой знаменитой в Скандинавии» («frægaz verit a Norrlandum»), — и «в основном, из-за того, что погиб столь великий властитель, бывший тогда самым известным на датском языке»⁷. Однако сфера деятельности Олава Трюггвасона не была ограничена Скандинавией. В том же памятнике говорится, что конунг Олав Трюггвасон стяжал «славу и разные почести» («margs

⁴ Л. Лёнрот полагает, что это явилось отражением реакции исландцев и трёндов на саговую традицию об Олаве святом (*Lönnroth L. Studier i Olaf Tryggvasons saga // Samlaren. 1963. B. 84. S. 61–67*). Халльдоур Лакснесс указывал, что «об участии Олава Трюггвасона в проповеди христианства [...] миру было неизвестно как в его времена, так и позднее» (*Halldór Laxness. Vínlandspúnktar. Reykjavík, 1969. Bls. 27*).

⁵ Cp.: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches / Hrsg. von W. Trillmich, R. Buchner. Berlin, 1961. S. 486 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, 11).

⁶ Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Finnur Jónsson gaf út. København, 1932. Bls. 231.

⁷ «mest firir sacar þess er þvilic hofðinge fell er þa var frægastr a danska tungu» (Fagrskinna. Nóreg's kononga tal / Finnur Jónsson gaf út. København, 1902–1903 (SUGNL, 30). Bls. 131).

kuns frægd») в Гардарики и во многих местах в Аустрвеге, в южных и западных странах (т.е. Германии, а также Англии)⁸.

По мнению исландских историографов, эпоха Олава Трюггвасона явилась поворотной в истории Скандинавии. Это четко отражено в «Пряди о Норна-Гесте», где прошлое скандинавов обрамлено событиями, связанными с историей народов континентальной Европы. Роль Олава Трюггвасона — положить конец доисторическим временам, миру Вэльсунгов и битвы на Бравеллир, свидетелем которых является Норна-Гест⁹. Приход Олава к власти и его миссионерская деятельность положили конец скандинавской истории древних времен, которая до тех пор представляла собой единое целое, укладывавшееся в рамки «Пряди о Норна-Гесте». Подобный рассказ есть и в «Пряди о Сёрли» (также именуемой «Сагой о Хедине и Хёгни»), повествующей о великой битве Хьяднингов — битве королей севера и юга, которая не прекращалась, пока конунг-миссионер не освободил их от злых чар:

«Это горе и иго продолжалось с тех самых пор, как они начали сражение, и до того времени, как Олав Трюггвасон стал конунгом Норвегии. Говорят, что это длилось четырнадцать десятков лет и три года, пока этому замечательному человеку, конунгу Олаву, не удалось сделать так, что его дружинник освободил их от этого жалкого несчастья и тяжелых испытаний»¹⁰.

⁸ Основным источником явилась поэма Халльфреда Трудного Скальда, в которой говорится о военных походах Олава против ямтов и вендов, на острова Готланд и Сканэй, против саксов, фризов и фламандцев, на восток в Гарды, против англов, народов Нортумбрии и Кумбрии в Британии и на острове Мэн, наконец, против шотландцев, орклендцев и ирландцев (Fagrskinna. Nóregs konunga tal. Bls. 108–11)

⁹ «[T]he Christian present purges the pagan past in the closing baptism» («В конце христианское настоящее очищает крещением языческое прошлое»). — *Harris J., Hill Th.D.* Gestr's 'prime sign': Source and Signification in *Norna-Gests þátr* // ANF. 1989. B. 104. P. 111.

¹⁰ «Þessi armæða ok anaud gek alla stund fra þui at þeir toku til at beriaz ok framan til þess er Olaftr Tryggvason vard konungtr at Noregi. Segia menn at þat væri fiortan tigir ára ok þriu ar adr en þessum agæta manni Olafi konungi yrði þat lagit at hans hirdmadur leysti þa fra þessu aumliga afelli ok skadligum skapraunum» (Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger om begivenheder i og udenfor Norge samt annaler / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Kristiania (Oslo), 1860–1868. B. I. Bls. 282). Несмотря на то, что повествование о битве Хьяднингов значительно старше, рассказ об Олаве Трюггвасоне является новым элементом в «Пряди о Сёрли». Ср.: *Ashman Rowe E.* Sörla þátr: The Literary Adaptation of Myth and Legend // *Saga-Book of the Viking Society*. 2002. Vol. 26. P. 62–63.

Путешествия исландцев в Винланд также тщательным образом связываются в исландских трудах с миссионерской деятельностью Олава Трюггвасона. В «Саге об Эйрике Рыжем» подчеркивается, что Лейв Эйрикссон был дружинником Олава и проповедовал от его имени христианство в Гренландии после того, как он сбился с пути и попал в Винланд. Это, правда, не упомянуто в «Саге о гренландцах»; однако «Книга с Плоского острова» в другом месте рассказывает о связях Лейва и Олава¹¹. По-видимому, исландцы видели в Олаве скандинавского проповедника христианства.

В свете важности той роли, которую Олав сыграл в крещении Скандинавии, любопытно рассмотреть, каким образом старейшие исландские труды, повествующие о жизни Олава, рассказывают о его собственном крещении. Согласно рассказу Одда Сноррасона, после того, как Олав попал в нелегкое положение в Дании, он пообещал принять христианство. А когда он пришел в Гардавельди, на него снизошло видение. Глас небесный сказал ему: «Иди в Грецию, и тебе будет объявлено имя Господне». Он получил позволение конунга, а в Греции встретил «прекрасных и глубоко верующих проповедников, научивших его правильной вере и заповедям Господним». Олав попросил епископа, которого исландская рукопись саги именует Павлом (Páll), «отправиться вместе с ним в Гардарики и проповедовать там языческим народам имя Господне». Епископ согласился с тем условием, чтобы Олав гарантировал, «дабы правители не противостояли, а дали ему победный знак и поддержали христианство»¹². Таким образом, согласно «Саге об Олаве Трюггвасоне» Одда Сноррасона, христианство пришло в Гардарики из Греции при посредничестве Олава.

Несомненно, существовало немало вариантов повествования о крещении Скандинавии, и очевидно, что вариант, столь возвеличивающий роль Олава Трюггвасона, противоречил, к примеру, трудам, высоко оценивающим роль Германии, в особенности Гамбурга. Автору «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», где пересказано это повествование, показалось обоснованным упомянуть данное обстоя-

¹¹ Flateyjarbók. B. I. Bls. 430, 448.

¹² «Far þu til Griklanz. ok mvin þer þar kvnngit gert nafn drottins»; «dyrliga kenne men ok vel trvaða er honum kendv retta trv. ok gvðs boð orð»; «fara með ser iGarðarike oc boða þar guðz nafn heiðnom þioðvm»; «at eige stæde hofðingiar imott helldr veitti þeir honom sigr mark ok styrk til cristninar» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 40–42).

тельство, однако он пытается примирить отличные друг от друга сообщения источников посредством следующей вставки:

«То, что здесь было сказано о миссионерстве Олава Трюггвасона в Гардарике, не является невероятным, поскольку одна замечательная и правдивая книга, называемая *Ymago mundi*, ясно говорит, что народы, называемые: русы, поляки, венгры (Rusci, Polavi, Ungarii), приняли христианство во времена Оттона, третьего императора, носившего это имя».

Правда, после этого добавлено:

«В некоторых книгах рассказывается, что император Оттон пошел с войском в Аустрвег и во многих местах принудил людей принять христианство; с ним был Олав Трюггвасон»¹³.

Эта оговорка содержится также в «Книге с Плоского острова», однако вряд ли она является давней; нет и подробного повествования об этом эпизоде¹⁴. Несомненно, точка зрения, что Олав принес русам христианство из Греции, была более распространенной.

С миссионерской деятельностью на востоке связывали и других людей, имеющих отношение к христианизации исландцев. «Сага о крещении» повествует о судьбе Торвальда Путешественника. Он и «Стевнир Торгильссон встретились после исчезновения конунга Олава. Они путешествовали вместе по всему миру, до самого Йорсалахейма [Иерусалима]. Оттуда они отправились в Миклагард [Константинополь], а потом в Кэнугард [Киев] вверх по восточному берегу Непра [Днепра]. Торвальд скончался на Руси, недалеко от Паллтескьи [Полоцка]. Он похоронен там на горе при церкви

¹³ «Þessir lutir sem nu voro sagðir vm kristni þóðan Olafs Trygva sonar i Garða ríki ero eigi v tuanlighir þviat ein bok ægiæt ok sann froð er heitir Ymago mundi kveðr skyrtr aa at þessar þioðir er sva hefta. Rvsci. Polavi. Vngarij. kristnaðvz aa ðggum Ottonis þess er hinn iij^{di}. var kridsti með því nafni»; «Sumar bækr segia at Otto keisari hafi farit með her sinn j Austr ueg ok brotit þar folk víða til kristni ok með honum Olaftr Tryggva s(on)» (Ólafs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson gaf út. København, 1958–2000 (Editiones Arnarnagnæanæ. Series A 1–3). B. I. Bls. 158). Текст саги отличается здесь от «Imago mundi», как указывает П. Спрингборг: «Eine markantere Abweichung von der I.m. findet man indessen bei der Erwähnung der Christianisierung der drei östlichen Völker» («Более очевидное расхождение с I.m. заключается, однако, в упоминании крещения трех восточных народов»). См.: *Springborg P. Weltbild mit Löwe. Die Imago mundi von Honorius Augustodensis in der altwestnordischen Textüberlieferung // Cultura classica e cultura germanica settentrionale. Roma, 1988 (Quaterni linguistici e filologici, III). S. 199.*

¹⁴ Flateyjarbók. B. I. Bls. 119.

Иоанна Крестителя, и там его называют святым»¹⁵. В «Книге с Плоского острова» говорится, что когда Торвальд встретил Олава Трюггвасона, они заговорили друг с другом «потому, что каждый много слышал о мудрости, чести и славе другого»¹⁶.

Одд Snorrason рассказывает, что когда Олав пришел в Гардарики, там господствовало язычество. Однако язычники в Гардарики — благородные люди, они признают значение христианства, они воистину пророки. Сама мать князя Владимира была ясновидящей и увидела, что в Норвегии у конунга родился сын, который будет прекрасным правителем, «и не навредит он твоему государству, а многократно вам его увеличит»¹⁷. Не одна она была ясновидящей в Гардарики; многие предсказатели «говорили, что его судьба столь великолепна, что над ней сияет такой свет, что он освещает все Гардарики и всю восточную половину Земли»¹⁸. Причина этого пророчества — та роль, которую Олав сыграл в крещении Гардарики, а она оказалась немалой. Он столь благороден с самого рождения, что не приносит жертв идолам, и когда конунг просит его об этом, он отвечает, что боги, которым конунг служит, «правят тьмою» («*mapu myrkrunum styga*»)¹⁹.

Олав Трюггвасон — не только миссионер, но и благородный рыцарь. Монах Одд рассказывает, что Олав стяжал «большую честь и славу» («*mícla sǫmð. oc frama*») при князе Владимире, который «вскоре сделал его предводителем в дружине и поручил ему управлять теми воинами, что принесут конунгу славу». Олав быстро рос, и «когда ему было двенадцать зим, он спросил конунга, нет ли каких-нибудь городов или областей, что принадлежали его государству, а язычники забрали из-под его власти, сидят в его владениях

¹⁵ «Stefnir Þorgils s(vn) fvdv eftir hvarf Olafs konvngs. þeir forv baðir s[ama]n víða vm heiminn ok allt út i Iorsala heim ok þaðan til Mikla garz ok sva til Kænu garðz hit eystra eftir Nepr. Þorvalldr andaðiz i Rvzia skampt fra Pallteskiv. Þar er hann grafin i fialli einv at kirkiv Johannis bapiste ok kalla þeir hann helgan» (Hauksbók udgiven efter de arnamagnæanske håndskrifter no. 371, 544 og 675, 4to samt forskellige papirshåndskrifter / Udg. Eiríkur Jónsson, Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1892–1896. Bls. 144).

¹⁶ «sakar þess er huorr hafé mart af annars radum fregd ok frama spurt» (Flateyjarbók. B. I. Bls. 272).

¹⁷ «eigi man hann scaða gera þinu ríki. helldr man þat margfalliga auca yðr til handa» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 21).

¹⁸ «sua sogþo þeir mikils hattar vera hans hamingio at þat lios er yfir henni skein at þat dreifþiz um allt Garða ríki od víða um austr halfu heimsins» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 27).

¹⁹ Ibid. Bls. 30.

и ущемляют его честь». С дозволения князя «он отвоевал все города и замки, которые раньше принадлежали конунгу в Гардах, и подчинил конунгу Вальдамару многие иностранные народы». Олав Трюггвасон показывает себя образцовым дружинником и служит своему господину, как верный рыцарь.

«И когда его слава так воссияла, говорят, что он вернулся домой в Гарды после одной большой победы. Они плыли с таким рыцарством и роскошью, что паруса на кораблях были из дорогого атласа, и шатры тоже. Из этого можно сделать вывод, какое богатство он получил от своих подвигов в Восточных землях»²⁰.

Восточное богатство было самым ценным, что можно было добыть для самого себя или своего конунга. Это повествование показывает Олава верным дружинником князя в Гардах.

Средневековые скандинавские источники практически не подтверждают повествование монаха Одда о приключениях Олава в Аустрвеге. Но откуда тогда появилось представление о том, что норвежцы и исландцы проповедовали христианство на Руси? Необходимо иметь в виду тесные и дружественные связи норвежских конунгов с русскими князьями в XI и XII вв. Взаимоотношения Олава Святого, Магнуса Доброго и Харальда Сурового с Гардариками не были беспрецедентными для Скандинавии. Датские конунги были также связаны с русскими князьями семейными узами²¹. Новгородский князь был женат на дочери шведского конунга Инги, а его собственная дочь была впоследствии замужем за норвежским, а затем за датским конунгом²².

²⁰ «setti hann bratt hofþingia innan hirðar. oc at stiorna her monnum þeim er vinna scyldu sömð konungi»; «er hann var xii uetra gamall spyr hann konungin ef nocquorar borgir eða heruð þau er legit hafi undir hans konungdom oc hafi heiðnir menn tekit af hans ríki oc sæti þa yvir hans eign oc soma»; «[v]ann hann aprt allar borgir oc castala þa er fyrr höfðu legit undir ríki Garða konungs. Oc margar þjóðir utlendar ocaði hann undir ríki Ualdamars konungs»; «Oc er hann scein iþuilikri dyrd. þa er sua sagt at eftir einn mikin sigr sneri hann heim til Garða. þeir sigldu þa með sua miclu drambi oc kurteisi. at þeir hafðu seglin yfir skipum sinum af dyrum pellum. oc sua varu tiolldin þeira oc. En af slicu ma marca rikidom þann er hann hafði fengit af stor virkiom þeim er hann vann i Austrlondum» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 28–29).

²¹ Lind J. De russiske ægteskaber. Dynasti- og alliancepolitik i 1130's danske borgerkrig // Historisk tidsskrift. 1992. B. 92. S. 228.

²² Новгородский князь Мстислав Владимирович (именуемый Харальдом в скандинавских источниках) был женат на Кристин, дочери шведского конунга Инги. Дочь Мстислава и Кристин, Ингибьёрг, вышла замуж за Кнута Лаварда (умер в 1131 г.). Мстислав отправился в Киев в 1117 г., а брат Ингибьёрг, Всеволод, был последним

Таким образом, около 1100 г. между русским, норвежским и датским дворами имелись тесные связи.

Они оказали влияние на политику в Скандинавии в XII в. Датский конунг Вальдимар Великий был внуком (сыном дочери) киевского князя Владимира. В «Деяниях данов» («Gesta Danorum»), написанных Саксоном Грамматиком (Saxo Grammaticus) около 1200 г., отмечается, что Вальдимар Великий был воспитан Оцуром, отцом Абсалона и Асбьёрна Храброго; однако в «Саге о Кнютлингах», которая, как полагают, была создана в Исландии около середины XIII в., говорится, что Вальдимар вырос у родственников матери в Гардарике. Джон Линд полагает, что повествование «Саги о Кнютлингах» более правдоподобно и может объяснить причину того, что Вальдимар получил имя своего дедушки по материнской линии²³. Магнус Никулассон, один из главных соперников Кнута Лаварда, был женат на дочери короля Польши и был, таким образом, связан с полоцким княжеским родом, воевавшим с родом Владимира, князя киевского и новгородского. Вальдимара Кнутссона и Кнута Магнуссона можно рассматривать в качестве представителей различных ветвей русского княжеского рода, боровшихся за власть на Руси²⁴. Сыновья Вальдимара были потомками обеих этих ветвей, поскольку он женился на Софии, сестре Кнута, происходившей от русского князя Володара. В то время, пока скандинавские конунги были связаны семейными узами с русскими князьями, русы почитали скандинавских святых королевского рода, например, Магнуса Оркнейского ярла, Кнута Святого и Олава Святого²⁵. Таким образом, вряд ли возможно говорить о религиозных разногласиях между русами и скандинавами в XII в.

Когда Одд Сноррасон писал историю Олава Трюггвасона в конце XII в., отношения власть имущих в Скандинавии с правителями в Аустрвеге были близкими и дружественными. Религиозный раскол или разногласия практически не обсуждались. При описании подвига Олава в Аустрвеге Одду казалось естественным обратить вни-

новгородским князем до того, как в 1136 г. в Новгороде была установлена республиканская форма правления. Мальмфрид, сестра Ингибьёрг и Всеволода, была замужем за Сигурдом Иерусалимским путешественником, а позднее за Эйриком Эймуни.

²³ Lind J. De russiske ægteskaber. S. 235.

²⁴ Ibid. S. 248.

²⁵ Lind J. The Martyria of Odense and a Twelfth Century Russian Prayer. To the Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. P. 1–21.

мание на миссионерские деяния конунга. Кроме того, Одд придерживался известного повествования о том, что христианство пришло на Русь из Греции, в чем, согласно Одду, Олав был посредником. Очевидно, что Одд не описал бы таким образом подвиги конунга-миссионера в Аустрвеге, если бы он полагал, что русы впали в ересь, или имел бы что-либо против православной церкви.

Картина миссионерской деятельности Олава Трюггвасона в Аустрвеге, как ее нарисовал Одд, стала доминирующей в исландских трудах об Олаве. К саге Одда добавились другие повествования о миссионерах в Аустрвеге, например, о Торвальде Путешественнике. Когда в конце XIV в. создавалась «Большая сага об Олаве Трюггвасоне», это представление еще оставалось господствующим, несмотря на то, что ее создателю был известен другой источник, высоко оценивающий роль Германии в крещении Руси. Невозможно согласовать эту оценку истории проповеди христианства на Руси и в Скандинавии с представлениями о ереси на востоке и со знанием о разделении церквей. Поэтому есть основания рассмотреть вопрос о том, имела ли в Исландии информация о разделении церквей и почему она не оказала влияния на обширную саговую традицию об Олаве Трюггвасоне.

«ОТ ТОГО УПРЯМСТВА, ЧТО ОНИ ПРИДЕРЖИВАЛИСЬ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ»

В исландских средневековых источниках имеется только один случай упоминания «великого раскола». Эхо раскола, по-видимому, донеслось до Исландии лишь в 1274 г.: тогда во многих анналах сообщается, что греки отвернулись от ереси. Подробнее всего об этом рассказывает «Сага о епископе Арни», где говорится:

«В этом же году на вышеупомянутом соборе в Лионе произошло то событие, что греки вновь обратились во всеобщее христианство, отказавшись от того упрямства, что они придерживались в последнее время, по совету и убеждениям папы римского Григория»²⁶.

²⁶ «А þessu sama are urdu þau tydinde a fyrrgreindu þinge in Leontia ad Græci hvurfu aptur til almeneligrar christne af þeirre þrætu sem þeir hofdu hallded umm stundar saker, með radum og roksemdum Gregorii pava» (Árna saga biskups / Útg. Þorleifur Hauksson. Reykjavík, 1972 (Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 2). Bls. 41–42). См. также: Islandske Annaler indtil 1578 / Udg. Gustav Storm. Christiania, 1888. Bls. 28, 49, 69, 139, 194, 259, 332, 484; Laurentius saga biskups / Útg. Árni Björnsson. Reykjavík, 1969 (Rit Handritastofnunar Íslands, 3). Bls. 7.

Стиль представляется своеобразным и вряд ли указывает на то, что исландские составители анналов много знали о разногласиях, о которых шла речь. Например, говорится о «временном упрямстве», а не о длительном разделении церквей, как будто бы спор, который предстояло разрешить в Лионе, начался совсем недавно.

Если лионское примирение было заключено по вопросу «упрямства... в последнее время», что можно сказать об источниках, которые до настоящего времени считались доказательством того, что исландцы отвергали проповедников-еретиков с востока? Прежде всего можно назвать судебник «Серый Гусь» («Grágás»), где проводится различие между священниками, знавшими латынь, и другими священниками. Из положений «Серого Гуся» очевидно, что не надо было слишком доверять епископам и священникам, «не ученым латинскому языку» («*er eigi eru lærdir á latínutungu*»); особенно упомянуты эрмские люди (из Армении, или Эрмланды) и греческие (*grískir, gerskir*)²⁷. Это толкуется как очевидное признание власти римской церкви, что вполне естественно²⁸. С другой стороны, не так очевидно, что данное положение было принято по инициативе самих исландцев или же в связи с тем, что они знали о «великом расколе». Идея об особом статусе латыни сама по себе не является свидетельством религиозных разногласий или противостояния тем, кто не говорил на латыни. Она показывает, прежде всего, стремление к упорядочению организации исландской церкви посредством признания латыни в качестве единственного церковного языка.

Данное положение часто рассматривается в контексте путешествий в Исландию людей, «называвших себя епископами» («*sem biskupar kváðust vera*»), а также епископов «из других стран» («*af öðrum löndum*»), которые проповедовали «много мягче, чем епископ Ислейв» («*margt linara en Ísleifr byskup*»)²⁹. Информация об этих людях, однако, весьма небогата и обычно туманна. В XI в. церковное устройство в Скандинавии не было четко и окончательно сформировано, и многие могли называть себя епископами.

²⁷ Grágás. Lagasafn íslenska þjóðveldisins / Útg. Gunnar Karlsson, Kristján Sveinsson, Mörður Árnason. Reykjavík, 1992. Bls. 19.

²⁸ Magnús Már Lárusson. Um hina ermsku biskupa // Skírnir. 1959. B. 133. Bls. 81–94 (окоб. стр. 85–88).

²⁹ Ari Þorgilsson hinn fróði. Íslendingabók / Udg. av Anne Holtmark. Oslo, 1952 (Nordisk filologi A.5). S. 25; Byskupa sögur / Útg. Jón Helgason. Kaupmannahöfn, 1938–1978 (Editiones Arnarnæ. Series A 13). B. II. Bls. 77. См., например: Sigurður Lindal. Upphaf kristni og kirkju // Saga Íslands. Reykjavík, 1974. B. I. Bls. 252.

Из труда Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви», написанного в 70-х гг. XI в., можно заключить, что Ислейва назначил епископом архиепископ Гамбургский и Бременский. В этом случае его можно рассматривать как представителя архиепископа в Исландии³⁰. Из этого следует, что у епископов, посвященных в сан кем-либо другим, не было такой же духовной власти, как у Ислейва. Это точка зрения Ислейва и его преемников, и в этой связи нет необходимости говорить о ереси.

Также не является очевидным, что церковное начальство первых исландских епископов протестовало против «безначальных» епископов по причине религиозных расхождений или различных обычаев. В XI в., на начальном этапе развития христианства в Скандинавии, Адам Бременский, к примеру, с энтузиазмом описывает различные греческие церковные обычаи, перенятые архиепископом Гамбургским и Бременским. Очевидно, автор не знает ни о каком расколе, хотя его труд создан после 1054 г.³¹

Во «Всемирной истории» («*Veraldar saga*»), написанной в середине XII в., разногласия греков и «римлян» определяются как политические. История императоров Константинополя прослеживается в этом труде до 829 г., когда

«лангобарды и многие другие народы наступали на Римское государство. Они [римляне] часто просили помощи у императоров, которые правили тогда в Миклагарде. Однако те не могли помочь римлянам из-за того, что сами были в таком тяжелом положении, что едва могли удержать свое государство перед наступающими на них языческими народами. Тем менее они могли помочь другим. С тех пор они [римляне] искали поддержки у правителей за горами на севере, во Франции; а позднее, когда Пипин по воле папы римского Стефана стал королем римлян, римляне отошли от императоров Миклагарда. С тех пор, как римляне отошли от них, мы не можем рассказать о них никаких правдивых историй. С тех пор каждый из них, столичный князь в Миклагарде и император в Саксонии, именуется выше другого»³².

³⁰ Ср.: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts. S. 486.

³¹ Ibid. S. 366. О напряженных отношениях различных церквей в Скандинавии в то время см.: *Jansson H. Templum nobilissimum. Adam av Bremen, Uppsalatemplet och konfliktlinjerna i Europa kring år 1075. Göteborg, 1988 (Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg, 21). S. 152–162, 167–171.*

³² «<gengv> Langbarðar ok margar þjódir adrar yfir Rvmveria ríki. þeir beiddv opt kei(sara) þa er varo i Miclagardi ser lidveizlo. En þeir mato eigi Rvmveriom at lidi verþa fyrir því at þeir höfðv sva mikít vandræði at travt mattv þeir hallda sinv ríki fyrir heidnvm þjóðvm er a hendr þeim gengv því sidr mattv þeir odrvm at lidi koma. þadan fra sottv

Так обстояли дела с точки зрения жителя южной Исландии около середины XII в. Правда, автор «Всемирной истории» не был столь же знающим человеком, как некоторые его современники, которые могли рассказать «правдивые истории» из Миклагарда. Во введении к «Книге о заселении страны» говорится, что Лев и Александр были греческими императорами во времена заселения Исландии; однако здесь имеется погрешность в несколько десятилетий³³. В записях анналов, относящихся к IX в., а также позднее, императоры Миклагарда упоминаются редко и информация о них, судя по всему, взята непосредственно из латинских анналов³⁴. В рукописи времен правления Хакона Высокононого перечень императоров доходит до конца XII в.; вероятно, это наиболее точный перечень императоров Миклагарда, сохранившийся в Исландии³⁵.

В «Гнилой коже» и других королевских сагах рассказывается о разногласиях Харальда Сурового с иностранными воинами, служившими императору Миклагарда, которыми управлял «Гюргир, родственник императрицы Зоэ» («Gyrger frændi drottningarennar Zoe»). Настоящее имя этого «Гюргира» было Гиоргиос Маниакес (умер в 1043 г.), и он хорошо известен из современных источников. Между ним и конунгом Харальдом шла борьба за влияние, окончившаяся тем, что Харальд покинул его, «и с ним все варяги и все римские люди, а Гюргир со своими людьми ушел вместе с армией греков»³⁶.

þeir travst þeirra hofðingia er fyrir norþan fiall varo a Fraclandi ok síþan er Pipinv's tok konvngdom yfir Rvmveriom at vilia Stephani pafa þá hvrfo Rvmveriar vndan Miclagardz konvngom. havfv'm ver þadan engar sanligar savgv'r síþan Rvmveriar hvrfo vndan þeim. síþan kallaz hvar þeirra odrvm meiri stolkonvng'r i Miklagardi ok kei(sari) a Saxlandi» (Veraldar saga / Udg. Jakob Benediktsson. Kaupmannahöfn, 1944 (SUGNL, 61). Bls. 69–70).

³³ Landnámabók I–III. Hauksbók, Sturlubók, Melabók m.m. / Udg. Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1900. Bls. 3, 129, 261. Лев стал императором не ранее 886 г., а его сын значительно позже. Об этом рассказывается в «Королевских анналах» («Annales regii»). Под 886 г. говорится о кончине императора Василия, а также, что его сын Лев унаследовал государство и правил 18 лет (правильнее, однако, 26). — Islandske Annaler. Bls. 100.

³⁴ В «Королевских анналах» под 872 г. говорится о богатых дарах Василия конунгу саксов Хлёдверу, Василий именуется «imperator Grecorum» («император Греков»). — Islandske Annaler. Bls. 99.

³⁵ Cp.: *Stefán Karlsson*. Alfræði Sturlu Þórðarsonar // Sturlustefna / Ritstj. Guðrún Ása Grímsdóttir, Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1988. Bls. 40–41.

³⁶ «og med honum aller Væringiar og aller Latinomenn. en (þeir) Gyrgir foru med Grickiaher» (Morkinskinna / Útg. Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1932 (SUGNL, 53). Bls. 62–64). Указывалось на то, что многие повествования о конунге Харальде имеют аналоги в трудах норманнов, см: *Vries Jan de*. Normannisches Lehngut in den isländischen Königssagas // ANF. 1931. B. 47. S. 63–68.

Очевидно, что в этом случае скандинавам по пути с «римлянами». Этот эпизод можно толковать в контексте противостояния между теми, кто принадлежал к римско-католической церкви и к греческой православной церкви³⁷. С другой стороны, данный источник не упоминает религиозных вопросов, а говорит лишь о расхождении по критерию языка.

Другие источники о религиозном расколе содержат столь же неясные формулировки, как будто отсутствует базовое понимание его предпосылок. В «Саге о святом Ятварде» упоминается, что через несколько зим после гибели Харальда Гудинасона англичане отправились в Миклагард, сражались на стороне конунга Кирьялакса [императора Алексея], и он дал им землю для поселения на северо-востоке; они назвали землю Англией, а города «Лондон, и Йорк, и другими именами главных городов Англии» («Lundun ok Jork ok annarra hofudborga nofnum i Englandi»). Религиозный раскол отражается в том, что они не хотят использовать труд, именуемый в саге «Книгой Павла», «которая была распространена в Миклагарде, а епископов и других священников они привезли из Венгрии (Vngariam)»³⁸.

Несмотря на запрет в отношении армянских и греческих епископов, немного в исландских источниках указывает на раскол западной и восточной церквей. Напротив, из них можно заключить, что об этом расколе было известно мало, а когда новости о нем дошли до Исландии, он был воспринят как временное расхождение или политические конфликты амбициозных предводителей. Раскол не угрожал единству христианства. В сознании исландцев Миклагард оставался одной из столиц христианства.

Разделение церквей не согласовалось с представлениями о единстве всего христианского мира; однако исландцы, как представляется, редко учитывали разделение церквей и едва знали о нем. Их представление о расколе было неясным и не соответствовало тому

³⁷ Наименование *latinoi* редко встречается в трудах, написанных в Миклагарде, вплоть до середины XII в., когда оно становится распространенным; см.: *Kazhdan A. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. Washington, D.C., 2001. P. 86.*

³⁸ «sem geck i Miklagarði ok sottu þeir byskupa ok adra kennimenn i Vngariam» (Flateyjarbók. В. III. Bls. 470–72). Об источниках этой саги см.: *Fell Ch. The Icelandic Saga of Edward the Confessor: Its version of the Anglo-Saxon Emigration to Byzantium // Anglo-Saxon England. 1974. Vol. 3. P. 179–196 (особ. стр. 181–189).*

значению, которое придается «схизме» в современных исторических трудах о средневековой церкви. Возможно, историки XX в. переоценили значение раскола, усмотрев в нем аналогию современному противостоянию востока и запада.

«ГЛАВА ВСЕГО ХРИСТИАНСКОГО МИРА»

В «Книге с Плоского острова» и других рукописях XIV в. есть повествование, именуемое «Сага об Эйрике Путешественнике». В нем рассказывается о сыне конунга из Трондхейма, который отправляется на восток в поисках Одаинсакр. В Миклагарде он принимает христианство, и стольный князь просвещает его о христианской картине мира, а также о том, что Одаинсакр — это христианский Рай. В конце концов герой доходит до пункта назначения — однако не может пройти по мосту в Рай.

Многое в этом рассказе вызывает удивление. Он открывает крупное собрание саг о норвежских конунгах, однако сам практически не имеет к конунгам отношения. Долгое время он считался одной из саг о древних временах и издавался в одних сборниках с ними, несмотря на то, что его скорее можно назвать легендой³⁹.

Также неожидан статус греческого императора в данной саге. Он является полноценным христианским наставником, *doctor*, который преподает молодому скандинавскому принцу основы христианской веры. Они представлены в соответствии с учеными трудами порядка «*Imago mundi*» и «*Elucidarius*», последовательно описывающими христианское видение мира. Но почему житель Скандинавии отправляется за знаниями о христианском видении мира в Грецию?

Положение данного повествования в «Книге с Плоского острова» показывает, что оно находится там не для заполнения пустого места. Напротив, оно представляет собой введение в собрание саг и как таковое определяет характер этого собрания. Не следует недооценивать роль саг, открывающих собрания трудов. Они задают тон всему, что за ними следует. «Сага об Эйрике Путешественнике» в «Книге с Плоского острова» является повествовательным обрамлением по отношению к истории норвежских конунгов, и это обрамление представляет собой христианскую картину мира.

³⁹ См., например: *Mitchell S.A. Heroic Sagas and Ballads (Myth and Poetics)*. Ithaca, N.Y.; L., 1991. P. 22, 31.

В «Саге о Карламагнусе» говорится о крестовом походе короля в Йорсалаанд [Иерусалим], где он преданно сражается на стороне греческого императора и, как представляется, смотрит на него как на вышестоящего.

«Потом Карламагнус получил позволение отправиться домой, однако греческий конунг предложил отдать ему Миклагард и сделаться его подчиненным⁴⁰. Король Карламагнус отвечает: “Да не прикажет мне этого Бог, ибо ты — император и глава всего христианского мира. Я скорее хочу попросить вас, чтобы вы дали мне с собой в Валланд какую-либо святыню”. Император ответил, что с удовольствием это сделает»⁴¹.

Представление о «главе всего христианского мира» нашло отклик среди исландцев и соответствовало их собственной информации. В описаниях мира Миклагард всегда причисляется к столицам христианства вместе с Иерусалимом и Римом. Сочинение «Стьорн» («Stjórn») редко выходит за пределы древних времен в своем описании мира⁴², однако там упоминается «Константинополь (Constantinopolis), город, который норвежцы называют Миклагардом [...] который по огромному могуществу и заслугам во многом сравним с самим Римом (Roma)»⁴³. В «Младшей Эдде» Христос именуется конунгом неба, солнца и ангелов, «и *Иерусалима, и Иордана,*

⁴⁰ [Данное предложение допускает двоякое толкование, поскольку не вполне ясно, к кому относится местоимение «его»: к греческому императору или к Карламагнусу. В первом случае император предлагает отдать Карламагнусу Миклагард с тем, чтобы Карламагнус стал его, императора, подчиненным. Во втором же случае греческий император предлагает как Миклагард, так и себя самого в подчинение Карламагнуса. Этот перевод представляется предпочтительным с учетом контекста (ср., например, следующее предложение).]

⁴¹ «Sidan tok Karlamagnus leyfi til heimferdar en Grickia kongr baud at gefa honum Miklagarð ok geraz hans vndermadr. Karlamagnus kongr svarar „guð biedi mer þat eigi at gera þar sem þu ert keisari ok höfðingi allrar kristni. vil ek bidia ydr helldr at þer gefit mer helga doma nockura at hafa med mer heim j Valland.“ en keisarin kvuez þat giarna villdu» (Karlamagnús saga. Branches I, III, VII et IX / Udg. Agnete Loth. København, 1980. Bls. 95). Повествования о путешествии Карла Великого в Иерусалим были распространены в Европе уже в XI в., см.: *Erdmann C. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935 (Forschungen zur Kirchen-und Geistesgeschichte, 6). S. 276–277.*

⁴² О консервативности в географических описаниях см.: *Brincken A.-D. von den. Mappa mundi and Chronographia. Studien zur imago mundi des abendländischen Mittelalters // Deutsches Arkiv. 1968. Bd. 24. S. 118–86.*

⁴³ «Constantinopolis. su borg sem Nordmenn kalla Miklagarð [...] huer af miklum uoildugskap ok margri uerdskyllan er í marga stadi samuirdandi sealfri Roma» (Stjórn. Gammelnorsk biblehistorie fra verdens skabelse til det babyloniske fangenskab / Udg. C. Unger. Christiania, 1862. Bls. 83).

и Греции... (курсив мой. — С.Я.)»⁴⁴. Христа называют «стольным князем» (*stolkongr*) в «Знамении о Деве Марии»; это же наименование используется для императоров Миклагарда⁴⁵. В описании мира Олава Ормссона от 1387 г. перечисляются святые мощи в Миклагарде; также упомянуты Константин Великий и другие императоры, не названные по имени⁴⁶.

В Миклагарде заслуживали внимания не только религиозные сокровища. Ипподром Падрейм описан в «Гнилой коже» следующим образом:

«Люди, побывавшие в Миклагарде, рассказывают, что Падрейм устроен таким образом, что вокруг поля, равного широкому круглому туну, построена высокая стена, и вокруг, вдоль этой каменной стены, расположены ярусы, и там сидят люди, а представления проходят на поле. Там запечатлены многие события древности, асы, Вэльсунги и Гьёкунги; это выполнено в меди и металле так искусно, что кажется живым, и при таком устройстве людям кажется, что они участвуют в представлении. А ставится оно с большими хитростями и уловками. Кажется, что люди скачут по воздуху и стреляют огнем, а иногда применяется и колдовство. Там используются самые разные музыкальные инструменты, псалтерийон и орган, арфы и скрипки и всевозможные струнные инструменты»⁴⁷.

⁴⁴ «ok Jórsala ok Jórdánar ok Griklandz» (*Snorri Sturluson. Edda / Udg. Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1900. Bls. 121*).

⁴⁵ Mariu saga. *Legender om jomfru Maria og hendes jertegn efter gamle Haandskrifter / Udg. C. Unger. Christiania, 1871. Bls. 1086*. Согласно традиционному толкованию, слово *stólkonungr* пришло из славянского и означает ‘стольный князь’, см.: *Sigfús Blöndal. Væringja saga. Reykjavík, 1954. Bls. 285*. С другой стороны, греческое слово *στολος* означает ‘военный поход’, особенно морской; оно известно из греческих исторических трудов со времен Геродота и Фукидида. Вполне вероятно, что скандинавские варяги связывали своего господина с морскими походами, в которые они ходили по его повелению, и это отразилось в данном слове. В «*Lexicon Poeticum*» названы два примера использования данного слова в значении ‘флот’. См.: *Sveinbjörn Egilsson. Lexicon poeticae antiquae linguae septentrionalis. København, 1931. Bls. 539*. Слово *stóll* также используется в кеннингах неба, например, Христос именуется *stólkonungur*.

⁴⁶ Cod. mbr. AM. 194, 8vo. *Alfræði íslenzk: Íslandsk encyklopædisk litteratur / Udg. Kr. Kålund. København, 1908 (SUGNL, 37). B. I. Bls. 25–26*.

⁴⁷ «Þat segia þeir menn er verit hafa íMiclagarþi at þaðreimr se a þa leiþ gøt. at veqr har er settr vm ein voll at iafna til viðs tvns cringlotz. oc gradvr vmhverfiz með steinvegnum oc sitia menn þará. en leicr er avellinom. ero þar scrifot margsonar forn tíþindi. Esir oc Volsvngar. oc Givkvngar. gort af copar oc malmi. með sva miclom hagleic. at þat þiccir qvict vera. oc með þesi vmbvþ þiccir monnom sem þeir se ileicnom. oc er leicrin settr með miclom brogbom oc velom. syniz sem menn riþi flopti. oc við er oc scotelldr hafþr. oc svmt af fornescio. þar við ero hoþf allzconar songføri. psalterium oc organ. Horpor. gigior oc fiþlor. oc allz konar strengleicr» (*Morkinskinna. Bls. 350*).

Маловероятно, чтобы греки интересовались скандинавскими преданиями времен великого переселения народов. О чем же тогда здесь рассказывается? Это описание показывает, каким образом скандинавы связывали собственное прошлое с теми азиатскими странами, которые считались расположенными около центра мира. Оттуда и должны были прийти асы, как это описывается в различных источниках, в частности, в прологе к «Младшей Эдде» и к «Кругу Земному». Таким образом, нет ничего удивительного в том, что история Вёльсунгов и Гьёкунгов связывалась с Византией.

Во времена крестовых походов путешествия скандинавов в Миклагард и Иерусалим участились, хотя они и не стали столь же многочисленными, как в Рим. Одними из первых путешественников стали датский конунг Эйрик Свейнссон (ок. 1055–1103) и норвежский конунг Сигурд Магнуссон (ок. 1090–1130). Мотив уважения и славных приемов также присутствует в «Драпе об Эйрике» Маркуса Скеггясона (ум. в 1107), когда речь идет о путешествиях датского конунга Эйрика Свейнссона в южные страны. Однако слава Эйрика достигает кульминации в путешествии в Миклагард:

Hildingr þá við hæst lof aldar
hofgan auð í gollí rauðu,
halfa lest, af harra sjölfum
harða ríkr í Miklagarði;
áðan tók við allvalds skróði,
(Eiríki þó vas gefit fleira),
reynir veitti herskip honum
hersa matter sex ok átta⁴⁸.

Очень могущественный конунг принял, под высочайшую хвалу людей, весомое богатство в красном золоте, пол-ласта, от самого господина в Миклагарде; ранее он принял праздничные одежды всемогущего [т.е. императора] (но Эйрику было даровано еще больше), испытатель мощи херсиров [т.е. конунг, император] даровал ему шесть и восемь [т.е. 14] военных кораблей.

Конунг, раздающий почести своим дружинникам, сам принимает их от равных себе иностранных правителей — и более богатых южных королей. Свидетельством тому служат дары и драгоценности.

Первые детально описанные паломничества скандинавов в Святую землю — это путешествия датского конунга Эйрика и норвежского конунга Сигурда в начале XII в. Эти описания объединяет то, что они подробно останавливаются на приеме, оказанном конунгам в Миклагарде, и отношениях конунгов и императора Алексея (1048–1118). Меньше говорится об их религиозном опыте в Иеру-

⁴⁸ Den norsk-islandske skjaldedigtning / Udg. Finnur Jónsson. København, 1912–1915. Rettet text. B. I:B. 800–1200. Bls. 414–420.

салиме. В «Саге о Кнютлингах» дары императора используются для сравнения конунгов:

«Говорят, что греческий конунг Алексис предложил конунгу Эйрику либо подарить ему пол-ласта золота, либо сыграть для него представление, которое греки называют Падремслейк и конунг обычно устраивает в том месте, которое называется Падрейм. И все говорили, что конунг тратит на это представление не меньше золота, чем он предложил конунгу Эйрику. Но поскольку конунгу Эйрику дорого стоило содержать множество людей и у него оставалось мало денег, а предстояла ему дальняя дорога, то он выбрал золото. Тот же греческий конунг Алексис позднее предложил тот же выбор норвежскому конунгу Сигурду Путешественнику-в-Иерусалим. И поскольку конунг Сигурд направлялся тогда домой и уже оплатил большинство своих путевых издержек, он выбрал представление. И люди расходятся во мнении, что было более благородным выбором»⁴⁹.

Этот акцент на благородстве конунгов является главной отличительной чертой повествований об их паломничествах; все остальное отходит в тень. В «Обзоре саг о норвежских конунгах» рассказывается, как Сигурд Путешественник-в-Иерусалим молился перед святым крестом. Однако не замалчивается ни то, что он снискал большую честь в Иерусалиме «и получил там в дар великолепные драгоценности» («og þá þar dýrligar gørsimar»), ни то, что он «получил большое уважение от того, какой прием ему оказал император, а также большие дары» («mikla tígn af víþrþoko keisarans ok stórar gíafir») в Миклагарде⁵⁰. В «Гнилой коже» говорится, что Сигурд отправился в поход, чтобы «купить себе милость Господню и добрую славу» («at sápra ser guþs miscun oc goþan orztír»); поэтому

⁴⁹ «Þat er sagt, at Álexis Girkjakonungr bauð Eiríki konungi, hvárt hann vildi (þiggja) af honum hálfá lest gulls, eða léti hann leika fyrir (honum) leik þann, er Girkir kalla þaðremsleik, ok konungr er vanr að láta leika á Þaðreimi, í þeim stað er svá heitir; ok sögðu allir, at eigi kostaði konunginn minna leikinn en þetta gull, er hann bauð Eiríki konungi. En þvíat Eiríki konungi varð kostnaðarsamt, er hann hélt fjölmenni mikit, ok eyddiz mjök lausafé hans, en farvegr langr fyrir höndum, þá kaus hann heldr gullit. Þessi sami Álexis Girkjakonungr bauð síðan Sigurði Nóregskonungi Jórslafara slíkan kost; en með því að Sigurðr konungr fór þá heimleiðis ok hafði þá lokit enum mesta fékostnaði í ferð sinni þá kaus hann fyrir þá sök leikinn; ok greinaz menn at því, hvárt höfðingligar þótti kosit vera» (Sögur Danakonunga. 1. Sögubrot af fornkonungum. 2. Knytlinga saga / Udg. Carl af Petersens, Emil Olson. København, 1919–1925 (SUGNL, 46). Bls. 192–193).

⁵⁰ Ágríp af Nóregs konunga sögum / Hrsg. Finnur Jónsson. Halle, 1929 (Altnordische Saga-bibliothek, 18). Bls. 50–52.

много рассказывается о сражениях Сигурда с язычниками и меньше о святых местах, что он посетил⁵¹.

Путешествие оркнейского ярла Рёгнвальда в Иерусалим в 1151–1153 гг., вероятно, было предпринято по совершенно другим причинам, чем спасение души. Эйндриди младший, наемный воин в Миклагарде, вернувшийся домой, побуждает его отправиться в путь следующими словами:

«Мне кажется удивительным, ярл, что ты не хочешь отправиться в Иерусалим, а не просто слушать рассказы о тамошних чудесах. Людям с вашими умениями это больше всего подходит. Больше всего тебя уважать будут там, где ты будешь среди знатных людей»⁵².

Правда, Эйндриди прилагает определенные усилия, чтобы навредить ярлу и его спутникам, когда они прибывают в Миклагард, где он «пользуется большим уважением стольного князя». Тем не менее, император хорошо принимает их, и они долго находятся там «в большом великолепии» («i allgöfum fagnafi»). Однако еще больше ценно то, что когда они возвращаются домой, «это путешествие стало самым славным, и все они стали казаться гораздо более значительными людьми после этого путешествия»⁵³. На почет, который эта поездка должна была принести ярлу и его товарищам, обращается больше внимание, чем на спасение души, долженствующее следовать паломничеству.

Почет, оказываемый конунгам и ярлу императором Миклагарда, ведет к тому, что после путешествия они кажутся более значительными людьми. Неясно, в чем еще заключался этот почет; экономическая выгода, по крайней мере, не играет большой роли. Тем не менее, в глазах автора саг почет значил очень много. Выигрыш был символичным, а цель паломничеств конунгов, возможно, была аналогичной цели путешествий сыновей бондов ко двору конунгов и мирских предводителей. Люди соприкасались таким образом с теми, встреча с кем представлялась возвышающей.

⁵¹ Morkinskinna. Bls. 337. Аурманн Якобссон описывает историю путешествия Сигурда как рассказ «о золоте и драгоценностях, славных победах, щедрых приемах и великолепных пирах». См.: *Árman Jakobsson. Staður í nýjum heimi. Konungasagan Morkinskinna. Reykjavík, 2002. Bls. 208.*

⁵² «þat þicki mer undarligt, iarl, er þu vill eigi fara ut i Iorsalaheim, ok hafa eigi sagnir einar til þeirra tidenda, er þadan eru at segia. Er slikum monnum bezst hent þar, sakir ydvara lista; muntu þar bezst virdr, sem þu kemr med tignum monnum» (Orkneyinga saga / Udg. Sigurður Nordal. København, 1913–1916 (SUGNL, 40). Bls. 215).

⁵³ «varþ þessi ferþ in fregsta; ok þottu þeir allir myklu meira hattar menn siþann, er farit haufþu» (Orkneyinga saga. Bls. 259).

Путешествия конунгов к стольному князю, несомненно, интерпретировались по-разному. По-видимому, в XII в. императоры Миклагарда рассматривали скандинавских конунгов как своих вассалов. Согласно «Саге о Сверрире», в 1196 г. «греческий конунг Кирьялак» (Kíralax Girkjakonungr — император Алексей) отправил некоего Хрейдара к конунгу Сверриру «с письмами и печатью, называемой Золотой буллой» («með brefum oc in-sigli þvi er callat var Gullbulu-sca»), а также других людей с аналогичными посланиями к датскому и шведскому конунгу Кнуту; он просил их прислать к себе воинов⁵⁴. Это можно толковать как просьбу о дальнейшей поддержке, зачастую оказывавшейся ему скандинавами на протяжении предыдущего века, что свидетельствует о сохранении между жителями Скандинавии и Миклагардом в конце XII в. значительных связей. Рыцари архиепископа Абсалона находились при дворе императора Миклагарда в 1184 г.; вероятно также, что в императорском войске был датский отряд⁵⁵. Возможно, скандинавским конунгам было удобно признавать более высокое положение стольного князя, поскольку он не угрожал их самостоятельности так, как соседствующий с ними «конунг саксов» (германский император).

Можно найти различные указания на то, что император Миклагарда пользовался большим уважением, чем другие конунги и даже император Священной Римской империи. Служить такому предводителю было честью, как мы часто видим в сагах об исландцах.

Герой древних времен Барди Гудмундарсон реабилитирует себя, защищая государство греческого императора, а Кольскегг Хамундарсон становится «рыцарем Господа» и предводителем войска варягов⁵⁶. Подобное встречается и в рыцарских сагах. В «Саге о Конраде» говорится, что сын конунга саксов «сказал, что ни к кому не поедет и никому не будет служить, кроме самого богатого во всем мире, “а это сам стольный князь, так что мы отправимся в

⁵⁴ Sverris saga etter Cod. AM 327 4o / Udg. av Gustav Indrebø. Christiania, 1920. Bls. 133.

⁵⁵ *Krijne Ciggaar*. Denmark and Byzantium from 1184 to 1212. Queen Dagmar's cross, a chrysobull of Alexius III and an 'ultramarine' connection // *Mediaeval Scandinavia*. 2000. Vol. 13. P. 118–143.

⁵⁶ Бьярни Гюднасон полагает, что Барди искупил именно свои проступки и колдовство, «защищая христианство от языческих народов» («með þvi að verja kristni fyrir heiðnum þjóðum»). См.: *Bjarni Guðnason*. *Túlkun Heiðarvígasögu*. Reykjavík, 1993 (Studia Islandica, 50). Bls. 65.

Миклагард”»⁵⁷. Знаменитые предводители часто упоминаются среди самых славных «к северу от Адриатического моря», однако никто не пытается сравнить их честь с великолепием императоров Миклагарда или других южных королей⁵⁸.

Ранее был упомянут Торвальд Путешественник. Почет, который он в глазах исландцев получил в Аустрвеге, был не только символичным. В «Саге о крещении» и «Книге с Плоского острова» рассказывается прежде всего о миссионерском труде Торвальда Путешественника в Аустрвеге, труде во укрепление веры Господней. В «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (XIV в.) оказываемый ему почет носит другой характер:

«Сам стольный князь принял его с большим почетом и преподнес ему много прекрасных даров в знак дружбы, ибо столь близка ему была милость Божья. И его слава облетала весь народ, куда бы он ни шел, так что везде его почитали и славилы как большие люди, так и малые как столп и держателя праведной веры, и сам император Миклагарда, и все его правители, и не в последнюю очередь все епископы и аббаты по всей Греции и Сирии чествовали его как благочестиво исповедующего веру Господа нашего Иисуса Христа. Больше всего его почитали в Аустрвеге, куда он был послан императором как предводитель или властитель, поставленный над всеми конунгами Руси и всего Гардарики»⁵⁹.

⁵⁷ «qvez ongan mvndv heim sekia ne neinvm þiona oðrum en þeim, er rikaztr er i ollvm heiminv, “en þar er stol konvngin sialfr; ok skolo ver til Mikla garðz”» (Fornsögur Suðrlanda. Magus saga jarls, Konraðs saga, Bærings saga, Flovents saga, Bevers saga / Udg. Gustaf Cederschiöld. Lund, 1884. Bls. 48). Слово *þar* ‘там’ в оригинале писец, вероятнее всего, написал ошибочно вместо *þat* ‘это’.

⁵⁸ Так, в заключении «Саги о Греттире» говорится, со слов Стурлы Тордарсона, что Греттир Сильный был выдающимся человеком по трем причинам — в частности, потому, «что за него отомстили в Миклагарде, как ни за кого другого из исландцев» («at hans var hefnt út i Miklagarði, sem enskis annars islenzks manns». — Grettis saga Ásmundarsonar / Hrsg. R.C. Boer. Halle, 1900 (Altnordische Saga-Bibliothek, 8). Bls. 315). Было немаловажно, чтобы человек был славно отомщен, и подобная месть является, вероятно, самой славной.

⁵⁹ «Tok sialfr stolkonungin við honum með mikilli virðing ok ueitti honum margar vingiafir aa giætar. þviat sva var guðs miskunn honum na kvæm. ok flaug hans frægð fyrir alþyðu hvar sem hann kom. at hann var virðr ok ueg samaðr sva af minum monnum sem meirum sem einn stolpi ok upp halldz maðr retrtar truar. ok sva sæmðr sem dyrdar fullr iatari vars herra Iesu Kristi af sialfum Mikla garðz keisara ok ollum hans hofþingium ok eigi siðr af ollum biskupum ok abotum vm alt Grick land ok Syrland. Allra mest var hann tignaðr vm Austr uegh þangat sendr af keisaranum sva sem foringi e(ðr) valldz maðr skipaðr yfir alla konunga aa Ruz landi ok i øllu Garða riki» (Óláfs saga Tryggvasonar en mesta. B. I. Bls. 300). [Последнее предложение можно также понимать, прежде всего, так, что Торвальда «почитали в Аустрвеге... как предводителя и властителя, поставленного над всеми конунгами...»]

Подобные фантастические истории мало говорят о жизни Торвальда Путешественника в конце X в., однако показывают, что, по мнению исландцев XIV в., могло раньше ожидать их земляка в восточных странах⁶⁰. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на религиозные подвиги Торвальда, его возвышение является мирским, в качестве «предводителя и властителя», поставленного над князьями.

Повествования о путешественниках Эйрике и Торвальде показывают, что в конце XIV в. на императора Миклагарда все еще смотрели как на «главу всего христианского мира», могущего предоставить скандинавам как духовное, так и мирское возвышение. Представляется, что стольный князь находился в особом положении среди христианских монархов: власть, полученная из его рук, имела не только светское, но и религиозное содержание. Подобные труды вряд ли могут быть созданы под влиянием «великого раскола».

«КОНУНГ РУСОВ ПРИНЯЛ ВЕРУ»

Помимо истории Олава Трюггвасона, Одд Сноррасон считается автором «Саги об Ингваре Путешественнике», где рассказывается о странствиях сына шведского конунга в Аустрвеге. О путешествиях Ингвара имеются современные ему источники, например, рунические надписи на камнях, относящиеся к XI в., однако сама сага считается поздней⁶¹. То, что Одд писал о событиях в Аустрвеге, само по себе заслуживает внимания и показывает, что его интерес к восточным странам не ограничивался историей Олава Трюггвасона.

«Прядь об Эймунде Хрингссоне» в «Книге с Плоского острова» повествует о политике на Руси и борьбе князей за власть. Вре-

⁶⁰ Гюдбранд Вигфуссон полагал, что, «несомненно, есть доля истины в том, что Торвальд основал прекрасный монастырь и стал знаменит на востоке. Христианство пришло на Русь из Миклагарда, и поэтому вероятно, что Торвальд был послан стольным князем на Русь, только его величие и слава здесь несколько преувеличены» (*Biskupa sögur / Udg. Jón Sigurðsson, Guðbrandur Vigfússon. København, 1858–1878. V. I. Bls. 48*). Однако можно указать на то, что самые древние повествования о Торвальде были записаны через 300 лет после гибели конунга Олава. Несомненно, Русь приняла православную веру в X в. Однако в Аустрвеге нет ни одного святого, который мог бы быть Торвальдом, и ни один русский источник не повествует о человеке, поставленном над всеми князьями в Гардарики.

⁶¹ Ср.: *Jansson Sven Birger Fredrik. Runinskrifter i Sverige. Uppsala, 1984 [3-е изд.; 1-е изд. 1963]. S. 68–72.*

мя действия в этом повествовании — XI в.⁶² Это поздняя прядь, однако она свидетельствует о том, что исландцы ориентировались как в местных условиях, так и в политических противоречиях в Гардарике⁶³. В пряди рассказывается о конфликтах князя Новгородского со своими братьями, князьями Киевским и Полоцким. В пространной редакции «Саги об Одде Стреле» перечислены князья в Хольмгарде [Новгороде], Морамар [Муроме], Радстове [Ростове], Сурдале [Суздале], Палтескьюборге [Полоцке] и Кэнугардах [Киеве], причем князь Новгородский может также собирать войско «в Кирьялаланде [Карелии] и Тавэсталанде [Тавастии], Реваланде, Вирланде [Вирумаа], Эйтланде [Эстонии], Ливланде [Ливонии], Витланде, Курланде, Ланланде, Эрmlandе [Вармии] и Пулиналанде [Земле Польской]»⁶⁴. Это примерно те же самые страны, что перечислены в описании мира в «Книге Хаука»⁶⁵; на данном примере интересно наблюдать, как автор саги о древних временах работал с материалом из ученых трудов.

«Прядь об Эймунде» из «Книги с Плоского острова» исходит из того, что Гардарики — это форпост христианства, а за рубежами Гардарики — «злые народы» («*illar þjódir*»), как то: бьярмы, тюрки и *Blókumenn* (валахи)⁶⁶. В Гардарики можно было торговать товарами из экзотических стран, и в этой связи особенно упоминается Хольмгард. Эти повествования, похоже, относятся к более позднему времени, когда торговля в Новгороде была важна для Ганзейских купцов. В «Саге о фарерцах» рассказывается о рулевом Хравне, часто плававшем в Гардарики, и потому его звали Путешественником-в-Хольмгард⁶⁷. В «Книге о заселении страны» упоминается Скинна-Бьёрн [Бьёрн Меха], занявший землю в Мидфьорде. Его называли так «потому, что он путешествовал в Хольмгард»⁶⁸. В «Книге с

⁶² Flateyjarbók. В. II. Bls. 118–34.

⁶³ О ценности данной пряди как исторического источника в сравнении с русскими источниками см.: Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in Eymundar þáttur Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 68–71.

⁶⁴ «af Kirjálalandi ok Tafestalandi, Refalandi, Virlandi, Eistlandi, Liflandi, Vitlandi, Kúrlandi, Lánlandi, Ermlandi ok Púlinalandi» (Ørvar-Odds saga / Hrsg. R. Boer. Leiden, 1888. Bls. 187).

⁶⁵ Hauksbók. Bls. 155.

⁶⁶ Flateyjarbók. В. II. Bls. 124–27. О *Blókumenn* см.: Jansson S. Runinskrifter i Sverige. S. 66–68.

⁶⁷ Færeyinga saga / Útg. Ólafur Halldórsson. Reykjavík, 1987 (Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 30). Bls. 18.

⁶⁸ «þviat hann var Holmgarzfari» (Landnámabók. Bls. 57, 180).

Плоского острова» также описываются древние времена и называется, как норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый от правил Хаука Высокие Штаны «в Аустррики тем летом, чтобы он купил мне [Харальду] хорошие и редкие в наших землях вещи». Хаук купил в Аустрвеге плащ, и «говорили, что более роскошного плаща еще не было в Норвегии»⁶⁹. Представляется, что Русь была посредником в отношениях с чудесным восточным миром, однако не его частью.

Неудивительно, что Гардарики было отведено важное место в исландской картине мира: эта страна была как форпостом христианства, так и центром дорогих экзотических товаров. Связи с Гардарики были тесными. Исландские источники особенно останавливаются на десятилетиях, примыкающих к христианизации Норвегии и Исландии, однако в действительности история отношений с Гардарики и продолжительнее, и масштабнее. Русь отличалась от других соседних стран: там правили могущественные предводители, с которыми у высокопоставленных скандинавов были дружественные отношения — не как у сюзеренов, а как у равных или даже подчиненных. Таким образом, путешествия на Русь не были викингскими походами, у них были другие цели.

В XII в. у скандинавских стран были хорошие отношения с их соседями в Аустрвеге, по крайней мере, с Гардарики. Русские источники мало говорят о миссионерстве и вторжениях скандинавов и германцев в земли финно-угорских и прибалтийских народов в XII в. Можно полагать, что отношения славян с западными соседями были в основном мирными⁷⁰. Поэтому считается, что в странах к востоку от Балтийского моря политическое сотрудничество членов различных религиозных групп являлось скорее правилом, чем исключением⁷¹. С другой стороны, русы, принадлежавшие к православной церкви, негативно относились к явлению, которое они называли варяжской верой («вера варяжская»), что было си-

⁶⁹ «j Austriki a þessu sumre at kaupar mer nokkura agæta gripe ok fasena j uorum londum»; «segia menn at æigi hafvi komit meire gessimi j skickiu til Noregs» (Flateyjarbók. B. I. Bls. 577–578).

⁷⁰ Еще в 1171 г. русы и шведы являются союзниками, поддерживающими папу римского в борьбе с германским императором, см.: *Korpela J. Gravis admodum. Korstågsbulla eller episod i den västeuropeiska diskussionen om suveräniteten i världen // Historisk tidskrift för Finland. 1994. B. 79. S. 421.*

⁷¹ *Selart A. Confessional Conflict and Political Co-operation: Livonia and Russia in the Thirteenth Century // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1100–1500 / Ed. A.V. Murray. Aldershot, Hampshire, 2001. P. 173.*

нонимом римско-католической веры («вера латинская»)⁷². Против подобной неприязни говорят повествования о вкладе варягов в христианизацию Руси и в основание Киево-Печерского монастыря в Киеве⁷³.

В русских источниках сообщается, что новгородский князь Ярослав вел обширную проповедническую деятельность среди карелов в 1227 г., а впоследствии и среди тавастов⁷⁴. Это привело к столкновениям со шведами. Ярл Биргир отправился в 1239 г. в поход в Финляндию; считается, что именно тогда был возведен город-крепость Тавастехус. Далее шведы, при поддержке папы римского, пошли войной на врагов на востоке в 1240 г.⁷⁵ Проповедовался крестовый поход на русов как еретиков⁷⁶. Это древнейший пример столкновения шведов и русов под предлогом религиозных разногласий.

В 1293 г. шведы построили город-крепость Выборг (Viipuri) в Карелии, у вершины Финского залива. Они стремились к дальнейшим завоеваниям земель. В «Анналах Готтскалька» имеется следующая запись под 1296 г.: «Господин Торгисль, управляющий шведского конунга, завоевал и обратил в христианство две области в Карелии»⁷⁷. Шведы основали крепость Ландскрона в устье Невы, недалеко от того места, где сейчас стоит Петербург, однако русы осадили и взяли крепость. Эти события стали началом многовековой вражды шведов и русов⁷⁸. Уже в 1188 г. новгородские анналы называют шведов *немцами* (как жителей Германии), а в XIII в.

⁷² *Fennell J.* A History of the Russian Church to 1448. L.; N.Y., 1995. P. 101–102.

⁷³ *Franklin S., Jonathan Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. L.; N.Y., 1996. P. 308; *Fennell J.* A History of the Russian Church. P. 33.

⁷⁴ *Finlands medeltidsurkunder, I.* — 1400 / Udg. R. Hausen. Helsinki, 1910. S. 25–26. Джон Линд сомневается в этих источниках, ср.: *Lind J.* De russiske krøniker som kilde til kontakter i Østersøområdet // Det 22. nordiske historikermøte Oslo 13.–18. august 1994. Rapport I: Norden og Baltikum / Udg. K. Tønnesson. Oslo, 1994. S. 35–46 (особ. стр. 42–45).

⁷⁵ Юкка Корпела полагает, что в это время письма папы были направлены прежде всего против врагов христианства в целом, а не именно русов, см.: *Korpela J.* «The Russian Threat Against Finland» in the Western Sources Before the Peace of Nöteborg (1323) // *Scandinavian Journal of History.* 1997. Vol. 22. P. 161–72 (особ. стр. 162–168). Ср. также: *Lind J.* Early Russian-Swedish Rivalry: The Battle on the Neva and Birger Magnusson's Second Crusade to Tavastia // *Scandinavian Journal of History.* 1991. Vol. 16. P. 269–95 (особ. стр. 284–294).

⁷⁶ См., например: *Christiansen E.* The Northern Crusades. L., 1997 [2-е изд., 1-е изд. 1980]. P. 116–117.

⁷⁷ «herra Þorgisl drottseti Suia kongs uann vel ij hluti Kirkialalands og kristnadi» (*Íslandske Annaler.* Bls. 339).

⁷⁸ Ср.: *Korpela J.* «The Russian Threat Against Finland». P. 168–171.

скандинавов называют так очень часто. Скандинавов стали вновь отличать от более южных народов не ранее конца XV в.⁷⁹

Шведская «Хроника Эрика» была написана около 1330 г. В ней упоминаются *the crisno* и *the hedno* в повествовании о столкновениях шведов с русами и их финно-угорскими союзниками, начиная с середины XIII в.⁸⁰ Это обычно интерпретируется таким образом, что словом «язычник» обозначались всевозможные враги конунга⁸¹. Конечно, можно найти аналогичные примеры — так, римский папа Адриан (англичанин Nicholas Breakspear) разрешил в 1155 г. английскому королю Генриху II расширить границы христианской церкви, подчинив себе христианскую страну Ирландию⁸². Русы именуются язычниками в папских буллах еще с середины XIII в., однако использование данного понятия в мирском произведении является новшеством⁸³. В XIV в. такое употребление данного понятия в шведском языке растет. В соответствии с «Откровениями» («Revelationes») св. Биргитты, военный поход Магнуса Эйрикссона на Русь направлен против язычников (*paganos*) и неверных (*infideles*). В шведском тексте речь идет только о язычниках (*hedhninga*)⁸⁴. Лексикон скан-

⁷⁹ Lind J. Consequences of the Baltic Crusades in Target Areas: The Case of Karelia // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1100–1500. P. 133–150 (особ. стр. 141–142).

⁸⁰ Ср.: Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsinki, 1926. S. 495–496; Jansson S. Medeltidens rimkrönikor. Studier i funktion, stoff, form. Stockholm, 1971 (Studia litterarum Upsaliensia, 8). S. 185–187.

⁸¹ Lindkvist Th. Crusades and Crusading Ideology in the Political History of Sweden, 1140–1500 // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1100–1500. P. 119–130 (особ. стр. 124).

⁸² Davies R. Domination and Conquest. The Experience of Ireland, Scotland, and Wales, 1100–1300. Cambridge, 1990 (The Wiles Lectures given at the Queen's University Belfast). P. 111.

⁸³ Lind J. Consequences of the Baltic Crusades in Target Areas. P. 149. В «Förbindelsedikten» (сер. XV в.) ненависть к русским становится сильнее. Описывается, как конунг приказывает сбрить их бороды, см.: Svenska medeltidens rimkrönikor // Udg. Gustaf E. Klemming. Stockholm, 1868. B. III. S. 177. Ср.: Blom C. Förbindelsedikten och de medeltida rimkrönikorna. Studier kring omarbetningen av Erikskrönikan och tillkomsten av Förbindelsedikten samt dessa krönikedelars plats i den medeltida rimkröniketraditionen. Lund, 1972 (Bibliotheca Historica Lundensis, 28). S. 194–200.

⁸⁴ См., например: Sancta Birgitta. Revelaciones. Lib. VII / Utg. Hans Aili. Uppsala, 2002 (Samlingar utg. av Svenska forskningsföretaget. Ser. 2. Latinska skrifter, VII:8). S. 163; Heliga Birgittas uppenbarelser / Utg. Gustaf E. Klemming. B. I–V. Stockholm, 1857–1884 (Samlingar utgifna af Svenska forskningsföretaget, 14). B. III. S. 397. В 1342 г. у Магнуса Эйрикссона возник конфликт с ганзейскими купцами, поскольку они торговали с *heidningar*, т.е. русскими, ср.: Nordberg M. I kung Magnus tid. Norden under Magnus Eriksson 1317–1374. Stockholm, 1995. S. 61.

динавов в сфере религиозных расхождений часто был ограниченным, и все, что не было христианством, называли язычеством.

Норвежские конунги были вовлечены в эти столкновения в 1319–1355 г. в силу унии со шведами, однако у них были и давние связи с жителями Финмарка. «Анналы Готтскалька» повествуют о том, что в 1323 г. русы напали «с севера на Халогаланд и сожгли Бьяркэй господина Эрлинга Видкунссона». В своем письме Эйливу, архиепископу Трондхейма, Эрлинг называет финов, русов и карелов врагами Господа. В «Анналах лагмана» упомянуто под 1386 г., что «Русы напали на Норвегию с севера и убили мужчин, женщин и детей взяли в плен, а деньги забрали с собой»⁸⁵.

В Исландии военные походы Магнуса Эйрикссона на Русь связывали как с захватом земель, так и с религиозными вопросами. В соответствии с «Фрагментами анналов из Скальхольта», в 1348 г. Магнус

«снарядился в поход и готовился идти на Русь (Ruciam). Он делал это с двумя целями. Он хотел вновь подчинить Швеции большие территории, которые она потеряла, а поскольку норвежцы не хотели идти войной на другое государство, конунг заручился поддержкой папы римского и пообещал крестить людей на Руси (Rucia), если он получит помощь. При помощи святого Олава конунга дело окончилось тем, что конунг русов принял веру, а также многие жители страны»⁸⁶.

Таким образом, религиозные аргументы представляются просто приемом для того, чтобы заставить «норвежцев» согласиться на непопулярную войну. Анналы не всегда упоминают эти аргументы. В «Анналах с Плоского острова» говорится, что в 1351 г. Магнус отправился «на Русаланд и воевал с русами, и хотел привести их ко всеобщей вере. Норвежцы смогли захватить несколько городов, но не более того». С другой стороны, в «Анналах лагмана» сообща-

⁸⁵ «nordan aa Haloga land og brendv Biarckey fyrir herra Erlingi Vidkuns syni»; «Striddu Ruzar a Noreg nordan ok drapu kallmenn en hertoku konur ok born en ræntu penningum» (Islandske Annaler. Bls. 283, 346; ср. также: Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre Forhold, Sprog, Slægter, Sæder, Lovgivning og Rettergang i Middelalderen. B. 1–32. Christiania, 1847–1995. B. VIII. S. 99–100; Regesta Norvegica. B. 1–7. Oslo, 1989 fol. B. IV. S. 149).

⁸⁶ «uti leidangr ok bioz til Ruciam. var þat fyrir ij sakir at hann uilldi afr uinna unndir Suariki þann storan stad er unndan hafdi gengid ok medr þui at Noregs menn uilldu eigi sækia med hernati i annars kongs riki leitadi kongrinn fulltings herra pafans ok het at kristna folk i Rucia ef hann feingi styrk til. Geck þat maal sua til med fulltingi hins heilaga Olafs kongs at kongr Ruza tok trv ok mickid landz folk» (Islandske Annaler. Bls. 223).

ется, что «конунг Магнус пошел на Русаланд (*Ruzaland*), воевал с русами (*Ruza*) и захватил большой город»⁸⁷. Исходя из этого, можно предположить, что крестовый поход Магнуса не вызвал большого энтузиазма и что исландцы приравнивали его к обычным войнам за земли.

Из источников, которые являлись здесь предметом обсуждения, не вполне ясно, каковы были предпосылки этой войны. Было ли дело в возобновлении старых земельных претензий? Современные источники мало говорят об этом; исторические труды о давних временах не позволяют нам полноценно разобраться в этом вопросе⁸⁸. Однако из рассмотренных источников очевидно, что дискуссия о русах-язычниках при дворе конунга существенно противоречит исландской саговой традиции о восточных соседях.

Подведем итоги. Несомненно, «великий раскол» восточной и западной церкви в Средние века оказал определенное косвенное влияние на организацию и ориентацию исландской церкви. Однако немногое указывает на то, что у исландцев было четкое представление о расколе. Когда редкие новости о разделении римско-католической и православной церковью попадали в исландские анналы, понимание сути разногласий представляется весьма ограниченным — и полностью отсутствует сознание того, что речь идет о длительных религиозных конфликтах. Иногда встречаются повествования о противостоянии греков и «римлян», однако мало говорится о содержании разногласий; ничто не указывает на то, что исландцы, которые писали об этом противостоянии, принимали его слишком серьезно.

Из «Саги об Олаве Трюгвасоне» Олда Сноррасона, а также из последующих трудов о конунге-миссионере очевидно, что исландские историографы рассматривали христианизацию Руси и стран западной Скандинавии как одно и то же событие, и везде в их изложении Олав Трюгвасон играл ключевую роль. Однако им было небезызвестно, что христианство пришло на Русь из Греции.

Уважение, которое все исландские источники оказывают императору Миклагарда, также свидетельствует о том, что он рассматри-

⁸⁷ «i Ruzaland ok striddi vid Ruzsa ok hafdi ætlat at leida þa til almenniligrar truar. gaatu Noregsmenn vnnit nockurar borgir enn ecki vanz at meira»; «Magnus kongr for i Ruzaland ok stridde vidr Ruza ok vann stora borg» (Islandske Annaler. Bls. 276, 405).

⁸⁸ Nordberg M. I kung Magnus tid. S. 100.

вался как один из главных христианских правителей — или даже как «глава всего христианского мира», как сказано в «Саге о Карла-магнусе». Это особенно заметно в XII в., когда прием, оказываемый скандинавским конунгам и властителям в Миклагарде, играл, судя по всему, очень важную роль. В Исландии подобное представление, видимо, оставалось в силе еще в XIV в., несмотря на то, что позиция в источниках других скандинавских народов уже изменилась. В произведениях, записанных в конце XIV в., император Миклагарда рассматривается в качестве церковного властителя, который может дать религиозным людям немалую власть в Аустрвеге.

Представляется, что в этом контексте повествования о крестовом походе Магнуса Эйрикссона против русов в середине XIV в., и не в последнюю очередь их цель («крестить людей»), идут вразрез с историей крещения Руси незадолго до 1000 г., детально описанной исландскими историографами. Исландских трудов об этом походе не существует; он не привел и к тому, чтобы исландцы заметили наличие «великого церковного раскола». Они все еще верили в единый католический мир.